

Лад Посадский

и компания

ДЕЛА ТОРГОВЫЕ

книга I

МИХАИЛ РУСАНОВ

Михаил Русанов

**Лад Посадский и компания.
Книга I. Дела торговые**

«Издательские решения»

Русанов М.

Лад Посадский и компания. Книга I. Дела торговые /
М. Русанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-837452-4

Посад — уютный городок, где живут бок о бок обычные люди, колдуны, гоблины, агенты 007, твари болотные и демоны пыльные. Живет здесь и Лад — молодой дружинник, не подвластный чарам и заклятиям. Когда пришла весть, что иноземная нечисть строит коварные планы, народ посадский выбрал Лада и отправил его с друзьями в разведку. Доберется ли Лад до Ольбии Туманной и страны небоскребов? Справится ли с Девой Песков? Пока об этом знает только мудрый волхв Седобород. А теперь будете знать и вы!

ISBN 978-5-44-837452-4

© Русанов М.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лад Посадский и компания

Книга I. Дела торговые

Михаил Русанов

© Михаил Русанов, 2017

© Михаил Иванович Русанов, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-7452-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Солнышко за лес катилось.

День прощался алым закатом.

Ночь здоровалась яркой звездочкой возле полумесяца.

Время наступало тайное, и посадский люд спешил кто домой, а кто и в кабак.

Ночи никто не боялся, но уважал, стараясь не раздражать ночных духов. А как же, духи, они хоть и невидимы, а в жизнь людскую норовят нос сунуть. Людям, тайну ведающим, о том всегда было известно. Остальные – догадывались...

Потому ночью жгли костры, первый глоток бражки плескали в угли очага, посвящая его предкам, и старались не вспоминать нечисть.

Когда—то, очень давно, костры по ночам могли принести большие бедствия. Отсветы огня во тьме за многие вёрсты видно. А вороги-кочевники не дремлют. Только и ждут случая напасть. То-то.

С тех незапамятных времен вошло в обычай держать при Посаде целую слободу дружинников, которых Посад кормил и снабжал всем необходимым. Взамен этого дружина в трудную лихую годину платила кровью собственной, воюя рати ворогов. Но те времена канули в лету.

Находились, конечно, буйные головушки, уходили в леса, сбивались в шайки и ватаги, грабили обозы торговые, теша молодецкую удаль и тем живя. Но ловили их, сажали в остроги, самых лютых зимой в прорубь кидали на забаву водяному.

Надобность в дружине свелась к простой формальности, и в нынешнем ее состоянии кто—то видел умиротворение существующего порядка, а более прозорливые – разгильдяйство и безалаберность. Две сотни здоровенных молодцов шлялись по Посаду целыми днями и не знали чем себя занять. Посад за многие годы спокойной жизни превратился в одну сплошную гигантскую ярмарку. И жалование (не плохое!) выплачивал дружине регулярно. Но кроме показательных (раз в месяц) кулачных боев, посмотреть которые собирались все живущие и гостящие в Посаде, (из—за чего торговля на один, – один! – день замирала, и торговцы несли убытки), дела дружина боле не знала! Все остальное время дружинники ухаживали за молоденькими девицами, да кабаки посещали, где спускали все свое жалование. Много раз на посадском собрании знатных поднимался вопрос дружины, но обычаи не так то легко меняются. Посад мог позволить себе содержать воинов, а если так, то почему бы нет? Пусть все видят благополучие, первым признаком которого является сытая и довольная дружина.

Коренных посадских было не так уж много. Приезжающие на сезон торговцы (а сезоны сменяли один другой с завидным постоянством), ставили в Посаде добротные дома, постоянные дворы и лавки. Так вот они врастали в землю посадскую.

Посад ширился, рос, и с каждой торговой сделки имел доход. За этим строго следили приказчики. Совет Посада назначал их на один год (чтобы не жирели за общий счет) и наделял огромной властью. Но они все равно жирели, как бы с эти не боролись. И потому попасть в их число стремились многие. Некоторые приказчики умудрялись и на новый срок остаться при должности своей. Как им сие удавалось – никто не знает. Вроде всё честь по чести – Совет назначает из списков самых достойных. Ан нет! Глядишь, – человек знакомый, за прошлый год успевший надоесть хуже редьки горькой, опять при сделках присутствует, считает всё, мелочь не упустит!

Сплетнями слухами обрастали такие случаи. Да толку – пошумят бабы на базарах, посудачат мужики в кабаках, и делов то!

А у приказчика впереди – ещё один год службы денежной, синекуры благословенной...

Так и жил Посад – с утра до вечера ярмарки и базары шумные, вечером гулянки с хороводами и пьянкой, ночью костры и кабацкие байки. Но находились такие, в основном из числа молодых дружинников, кто предпочитал провести вечер и часть ночи у Седоборода, обещая подружками милым, что следующая ночь уж точно будет для них.

Седобород... Он был известен всему Посаду, да и за пределами оного известность эта не вызывала сомнения. Мудрый старец, ровесник самому Посаду, знал он много всяких историй о делах неслыханных и вещах невиданных. Говорили так же о том, что знаком Седобород с нечистью, да и сам может творить ворожбу.

Что тут правда, а что вымысел, кто знает?

Но лечил он людей добротой. Кого от зубной боли избавит, с кого лишай сведет, а кому и мозги на место вставит. Бабы – повитухи перед каждым родами посещали его, о чем – то шептались, после несли добрые слова роженице. И почти к каждому новорожденному Седобород приходил сам, долго смотрел на младенца, читая неведомым никому способом будущую судьбу маленького человека, и уходил ничего не сказав. Хорошим знаком. Ибо если начинал говорить Седобород что–то, жди беды – слова его острыми бывали, а то, что они почти все заговоренные, никто не сомневался.

Седобород знал много, не счесть о чем догадывался, а уж что умел, о том мало кто ведал. Да и к лучшему это. Его говорящий ворон доставлял ему новости от ворожей, волхвов и прочего странного люда, который предпочитал жить в дремучих лесах, подальше от людской суеты. Когда–то в Посаде их было много. Но постепенно численность их сошла на нет. Они ушли, покинули Посад не найдя себя в делах торговых. Кто–то остался, продавал заговоренные на удачу всякие побрякушки простакам. Какие сделки удавались, но еще больше проваливались. В конце концов, обозвали это дело шарлатанством. Люди, силу истинную знавшие, к этому отношения не имели, но тень и на них пала. Стали они еще больше нелюдимыми. И лишь Седобороду посадский люд доверял во всё.

Поначалу и к нему подходили, просили на удачу поворожить, кто просил, кто уговаривал, а кто и требовал. Одни ухари, (были они в черных плащах заморского кроя и шляпах, с угрюмыми мордами, откуда пришли – никто не знает.), оружием ему угрожали – черного железа штучка, из которой с диким грохотом вылетают свинцовые наконечники. Неизвестно, что им Седобород ответил, но Посад они покинули в спешке.

Через сезон вновь объявились, но уже с другими намерениями. Пришли к Седобороду на поклон, он поговорил с ними ночь, а на утро совет Посада дал им добро. Они тут же основали какое–то ЗАО. Был среди них один худощавый, в костюме ладном, на длинном носу носил стекляшки, отчего потешались над ним посадские. Он и стал у них главным.

ЗАО ихнее ничем особенным не торговало. Так, какие–то ножички перочинные детишкам на забаву, да спиртным приторговывало. Но потом они дело так обтяпали, с какими–то бумажками, с печатями синего цвета, что теперь ни один кабак в Посаде без их спиртного не обходился. Чуть позже и вовсе они разошлись, да так, что теперь все хозяева кабаков Посадских ОБЯЗАНЫ были покупать у них спиртное. Кабатчики бросились к Седобороду. На жалобы держателей кабацкого дела он так ответил:

– Все это грязная монополия! Но вы, дурачье, не узнав сперва, в чем суть, сами шеи свои в петли сунули. Пальцы слюнявили и к бумажке прикладывали! Теперь терпите.

Про «грязную монополию» никто никогда не слышал. Но так как, Седобород слова эти сказал с брезгливостью, то народ целую неделю сплевывал через левое плечо, защищая себя тем самым от страшного наговора.

Пыталось ЗАО и обменным делом заняться. Купцы и торговцы из разных далей прибывали, деньги у всех несхожие. Вот и решили эти молодцы дело обмена под себя подмять, да просчитались. Предлагали они все деньги в одну валюту перевести, (что такое «валюта» посадские ведать не ведали, отчего площади торговые опять оплеваны были), и называлась

валюта та «гаксы». Понятно, посадским слово не понравилось, больно уж чем – то крысиным от него разило, и...

А когда увидели, что эти «гаксы» бумажные, тут уж вовсе ошалели, и быть бы этому ЗАО оплеванному с крыши до погребца, да Седобород вступился за сердешных. Мол, не знают они наших обычаев, лезут со своим уставом в чужой монастырь.

О монастыре спрашивать не стали и слюну сберегли. Но через два дня лавку обменную спалили. С тех пор претензий к ЗАО никто не предъявлял, да и хозяева кабаков роптать перестали. Эти—то, в плащах и шляпах, толково объяснили им, что к чему, и те притихли. Звезд с неба не хватало, но на жизнь хорошую зарабатывали...

Изба Седоборода находилась на окраине Посада. Да и не изба это была. Дом Седоборода называли так по привычке. Стоял он на земле основательно, вросши в нее всеми четырьмя углами. Крылечком дом был к Посаду, а оконцами резными в лес дремучий смотрел. Потому и сумрачно в нем было даже в полдень.

Под вечер собиралось у него с дюжину молодых дружинников, пили брагу на диком меде ставленную, и слушали его рассказы. А рассказывать он был мастер. И всегда – то новое говорил, еще неслыханное. Да—а, многое знал Седобород...

– Говорят, за звездными туманами есть миры иные. Дома там крышами небо шкрябают, вот и зовутся небоскребами...

– Чепуха! – Лениво прервал старика Пустолоб. – Где же это видано, чтобы дом крышей небо касался?!

– Тыфу на тебя, башка пустая! Знать ничего не знаешь, а перебивать мастак! – Одернул его Седобород, и продолжил: – Так вот... О чем это я?

Бывало, забудет старик, о чем речь вел, и долго потом вспоминает. Намекнуть, слово какое сказать, чтоб не мучился старик – никто не собирался. Обидится старик, потом греха не оберешься. Вот и молчали все, ждали.

– Да, вот значит, как... небо трогают. И огни везде.

– Пожар у них, что ли? – Спросил Кто—то и тут же спрятался за спину других. Взгляд Седоборода ничего хорошего вопрошающему не обещал. Вредным иногда бывал старик. Такое слово сказать мог, что ни к одной девке потом не подойдешь – сила мужская пропадет. Сам—то он к ним давно не ходок, но и молодых мог на век отучить.

– Какой пожар? Нет никакого пожара. Огни те холодные. Ярko светят, но не греют. Как луна.

– Бывает ли так? – усомнился Кто—то.

– Еще раз перебьет кто, я такое скажу – во век не возрадуетесь!

– Не серчай, Седобород. Интересно же. Десять слов всего сказал, а поведал о чудном. – Польстил Лад старику.

Он единственный из собравшихся не очень то боялся заговорных слов Седоборода. В детстве няньки оставили его одного в бане. Пробыл он там с вечера до утра. А когда подняли крик и гам, (няньки были в голос, что, мол, унес дитятку волк серый), Лад сам из баньки выполз. Было ему тогда три годочка отроду, и ходил он с тех пор седой. Да не беда это, решили родители, а вот что слова заговоренные перестали его брать – так это всех до смерти напугало! Как жить – то теперь Ладушке, коли не амулеты, ни заговоры его не сберегут?! Пошумели, няnek выволокли, и успокоились. Даже хорошее стали видеть – живет человек, сам себе хозяин, ни одна сила над ним не властна. Только о том, что в баньке случилось, никто так толком и не узнал. Говорили разное – и что с нечистью Лад в бане игрался, и что сам, мол, Черт – Туй снизошел до того, что позволил Ладу подергать за свою бороду седую. И вроде бы вырвал Ладушка из бороды окаянного какой – то волос заветный... Кто теперь скажет, так это или нет? Сам Лад не помнил ничего.

– Говоришь, крышами небо трогают и огни везде? Эх, посмотреть бы...

Старик хлебнул бражки, вытер широкой ладонью бороду и улыбнулся вдруг.

– Да—а, красота... В главном посаде той страны есть улица по названию Угол Стриженный. Почему да отчего, не разумею, да только все говорят, что Угол тот вовсе и не стриженный, а как есть прямой, словно стрела. Живут на улице люди Банковского народа. Да вы знаете одного из них – хозяин ЗАО... Да. Амбары их не зерном трещат, а от золотишка ломаются. Говорят даже, что золотишко – то их заговоренное, само себя родит. Вот и не кончается никогда. В этом их богатство.

– Как же золото само себя родит? Брехня... Чай, не курица, чтобы яйца нести!

Седобород устал обращать внимание на реплики слушателей.

– Многие хотели руку приложить к золоту тому, да обожглись. Даже люди Мафии и те предпочитают с племенем Банковским в дружбе ходить.

– Мафия?! – Удивленно шепнул кто—то.

Но слух Седоборода был остр, за сто шагов слышал, как белка орешки щемит.

– Которые в плащах ходят. Страшное племя. – Седобород понизил голос. – Корни их на острове дальнем, вот и не сладить с ними никому. Сколь уж бились с ними и явно и тайно, а всей силы Мафии так и не извели... Так оно и понятно! Человек корнями силен. А если корни твои за кудыкиной горой да за девятью морями в острове спрятаны, то и не побьет тебя никто. До корней – то не добраться.

– Это ты хватил дед! – Лад потянулся, аж кости захрустели. – Всякого побить можно, коли за дело с умом взяться. Помните, как лавка их горела? Вот потеха была.

– То-то что с умом. А у вас он откуда? Нет у вас ума. Другие делом заняты, а вы каждый вечер ко мне норовите зайти, браги на дармовщинку попить да уши развесить. – Усмехнулся Седобород.

– Так ведь совет добро на войну не дает. Вот и шляемся без надобности. – Пустолоб зачерпнул полную кружку мутной бражки и вылил ее в свое бездонное горло.

– Ишь ты, чего захотел. Война ему нужна. Сам—то ты видел ее, войну – то? Сколько лет в мире живем, а все из людей не выйдет потребность друг другу головы отшибать. Лоботрясы вы, вот что.

– Хватит ругаться, Седобород! Говори дальше, что там с Мафией и людьми Банковскими.

– Чего, чего... В друзьях они. Вечный мир меж ними. Бывают иногда стычки, «наездами» называются, но это так, по мелочи. А по крупному ни-ни. Никакой войны.

– Почему? – Удивился Пустолоб. Его кружка в который раз опускалась в бадью с брагой, что уже по дну стала шкрябать. – Если у кого—то много золотишка, так не зазорно заставить поделиться. Тем более что оно, золотишко – то, само себя родит. Чай, не обеднеют люди Банковского народа.

– Не обеднеют. – Согласился Седобород. – Да только золото ихнее заговоренное. Если не по согласию к тебе попало, не по доброму, то жди беды. Пожалуют те же люди Мафии и все разорят.

– А чего им за Банковских заступаться?

– Говорю же, мир между ними. Поговаривают еще, что большие богатства Мафии у тех же Банковских хранятся.

– Ну—у дела—а! И где же это так бывает, что бы разбойник у купца деньги хранил?

– Далеко. На западе, где солнышко садится.

– Запад нам не указ... Расскажи еще что –нибудь, Седобород.

– Расскажи, расскажи, – слышалось отовсюду.

Седобород хмыкнул, тронул дрожащей рукой лучину, – ярко вспыхнуло пламя. Кто—то услужливо подал ему кружку с брагой.

– Ну, коли спать не спешите, да девки, видать, вас не ждут, и уж если запад вам не указ, то... слушайте про восток. Сказывают люди есть там загадочная страна. Народ той страны поклоняется Солнцу, как, впрочем, и мы. Люди там невысокие, раскосые. Покой страны той оберегают ужасные вояки – самраи. Люди чести. Если вождь гибнет в бою и сражение проиграно, то оставшиеся в живых сами на себя накладывают руки.

– Что же это за честь? Глупо, – подал голос Лад. – Покуда жив хоть один воин, не окончена битва!

На него тут же зашипели.

– Недалеко от этой страны проживают другие народы. Говорят, сам Черт – Туй оттуда родом!

– Черт – Туй?! – Кто—то со страху тронул свой амулет, Кто—то сплюнул через левое плечо.

– Он самый! А еще там родина Комер—сана.

– Который завтра приезжает?

– Да. Сколько лет ему – никто не знает. Древний он...

– Древнее тебя?

– Древнее. И мудрее. В делах торговых ему равных нет.

– А чего он к нам засобирался?

Устал кочевать. Решил наш Посад выбрать местом своей постоянной дислокации.

О дислокации никто ничего сказать не мог. Слово незнакомое, не понравилось слово – то...

– Ты говори дед, да не заговаривайся! – Вновь послышались плевки и зашуршали, зазвенели амулеты и обереги.

– Перестаньте плевать! Все, устал от вас, обалдуев! Убирайся потом за вами... На сегодня хватит. Пошли все вон! – Рявкнул Седобород.

Ослушаться деда никто не решился. Стали собираться. Кто—то напоследок черпнул браги, Кто—то украдкой дернул пук травы сухой, что в изобилии висела по всему дому. Трава у Седоборода злой не была, худого человеку не сделает.

– Лад, останься. – Седобород прикрыл глаза.

Лал послушно уселся обратно на пол, стараясь выбрать место не заплеванное.

Когда дверь хлопнула, Седобород хитро взглянул на него.

– Не надоело тебе еще с ними шататься? Все про войну выпрашиваешь дедов. И не смотри так, все знаю. Кровь в тебе бродит. Дело тебе надобно.

– Дело... А какое? Может, ты подскажешь?

– Подскажу. Как приедет Комер—сан иди тут же к нему.

– Зачем? – удивился Лад.

– Попросишься к нему в ученики. У него блажь такая есть. Как куда приедет, сразу ищет себе ученика.

– Я в дружине учился пять лет! Теперь опять учиться? Чему?!

– Торговле.

– ?

– Делай как сказано! – Прикрикнул Седобород так, что Лад подскочил с полу и исчез в дверях. Мало ли что заговоры не берут, вдруг дед такое ляпнет что и ноги скрутятся...

Слава и молва о Комер-сане бежали по земле быстрее его тяжелых обозов. Да и как же не быть быстрее, если в пути был не просто Комер—сан, один человек, а огромный клан с целой кучей баракла. Добра добытого торговлей честной, а когда и хитростью, насчитывалось до сотни обозов. Были здесь и материи разные – атлас из Хундустана, шелка из Итая, холстина плотная с Севера, ситец разноцветный – радость женам, разорение мужьям. Ору-

жия всякого и на любую руку – от кастетов свинцовых до палиц пудовых, – было обозов десятка два. Барахлу же в виде камней самоцветов, украшений из золота и серебра, никто и счета не ведал. Да прибавьте к этому всяких заморских сладостей!...

Одни из зависти говорили, что продал Комер—сан душу нечистой силе за удачу в торговом деле. Другие, по умнее которые, считали, что удача тут вовсе не при чем. Просто мудрым был Комер—сан, человеческую природу насквозь видел. Да и опыту в торговле у него было не два дня. Родовитый посадский люд, знающий всегда все новости и откуда ветер дует, поговаривал, что давным – давно знаком был Комер—сан с самим знатным Садко. Связывала их не просто дружба, торговали вместе, выгоду имея обоюдную, и вроде бы Садко завещал Комер—сану свою удачу в рискованных делах торговых.

За многие годы спокойной жизни жирел Посад от торговли, как хряк жиреет от кормежки на убой. И всякое он повидал – товаров разных и людей чужих, и стал как невеста на выданье, которая уж слишком разборчива, – и это не в новинку, и эту невидаль уже видели, и эту сказку уже слышали, да позабыть успели. Но прибытие Комер—сана даже для Посада было событием большим. Не часто, ой не часто ТАКИЕ торговцы оседали в Посаде. Заезжать, конечно, заезжали, но чтобы вот так, разом, и на всю жизнь, – это редко бывало. Купцы, вроде Комер—сана, предпочитают со временем сами закладывать небольшие селения. Пройдет годков пятьдесят и превратятся они в такие же посады торговые со своими обычаями и своей торговлей.

Узнав о решении Комер—сана осесть в Посаде, люд посадский зашумел, и ведь было от чего! Самые беднейшие из купцов посадских носы к небу задрали, с высока смотреть стали на заезжих купцов. Как же, статус Посада становился неоспоримым в ближних и дальних землях, приобретал главенство в делах торговых и цены, которые теперь будут устанавливаться в Посаде, станут стандартом для других. Не многие понимали это, остальных же распырало любопытство.

Обозы Комер—сана остановились на окраине Посада. Покуда не будет выбрано место (с разрешения совета), где дом предстоит ставить, а рядом конюшни, амбары, склады для барахла торгового, свинарники да курятники, да жилье для прислуги, быть клану Комер—сана на окраине.

Знатный купец не обиделся, добро принял хлеб – соль от старейшины совета Зуба, и стал с неторопливой хозяйственностью устраиваться на новом месте. Сколько здесь стоять, он не знал, но, видать, не впервой Комер—сану такое. Пока дом поставят, да все что полагается при нем, месяц – другой пройдет. Вот и разбились шатры цветные на окраине, запахло бараниной жареной, свиной тушеной, ржание конское смешалось с криками подручных Комер—сана, распоряжающихся по поводу вечернего угощения.

Пригласил Комер—сан на ужин праздничный всех желающих, (столы стояли под открытым небом, подходи любой, да ешь, что приглянется – барашки целые запеченные, свиные окорока румяные, рыбы всякой и птицы, пей запейся браги да пива из Бовуссии). Чинных людей, представителей артелей торговых, да членов совета позвал Комер—сан в свой шатер и потчевал их там едой отборной, поил сбреженным соком ягод лозы, что росла вдоль рек Франзонии, да речи вел дельные: как торговля идет, из каких мест дальних больше товару везут, а из каких меньше?

- Не появлялись ли в Посаде Пыльные демоны, а люди Песков заезжают ли?
- Есть ли чародеи злые по близости, давно ли о Чер-Туте новостей нет?
- А какая рать у Посада на содержании?

Слушал он ответы, яблочко наливное, на дольки порезанное, ел и причмокивал: – товары отовсюду в Посад везут, пыльных демонов видом не выдывали, люди Песков бывают, правда, да только не торгуют они – это все знают. О Чер-Туте давно слухов нет, может, сдох где, окаянный...

Тут Комер—сан улыбнулся.

— Говорят, смертушка об него косу затупила, а ему хоть бы что.

Люди чесали затылки, платки к губам прикладывали, но плевать в шатре гостя дорогого не решались.

Доел яблочко Комер—сан, сощурил свои и без того узкие глазки хитрющие и молвил вдруг:

— Слышал я от людей сведущих на Востоке, перемены в мире грядут большие. — При- тихли люди. У кого—то кость в горле стала, у кого—то вино вкус потеряло. Перемены всегда пугали. Вздумается кому-то, что так да эдак лучше будет, и давай рубить старое без оглядки, только щепки летят! А потом оглянется кругом — сделал вроде все как хотел, а лучше-то и не стало. Ну—у, если все кругом плохо, людям жизни нет от врагов там каких, или нечисть (слюна сама на язык напозла) мутит умы, да чинит зло какое, тогда, конечно, и перемены к месту придутся. Но когда все чином да ладом кругом, чего же лучшей доли искать?

Ох, умный Комер—сан, хитрый, накормил, напоил, выпросил как дела, да и огорошил. И Чер—Туя не зря ли помянул?

— Перемены всякие бывают, — подал голос Зуб. Хоть и был он в совете старейший, память свою давно пережил, но ума хватило людей успокоить. — К тому же когда они до нас дойдут еще неизвестно. Годков десять, а то и все сто пройдет. Мир большой...

Отлегло на сердце, снова наполнились чаши, расплзались хмельные улыбки. На улице заиграли дудки — веселушки, зазвенели гусли, им ответили нытьем волынки (инструмент дивный, дуешь в одну дудку, а поют несколько), ритм задавали бубны шаманские и тамтамы. Про последние молва недобрая шла. Мол, натянута на них кожа человечья, а внутри томится душа какого—нибудь бедолаги.

Ничего больше не говорил Комер—сан. На его желтом пухленьком лице, глядя на кото- рое не возможно определить возраст (а ведь стар он был) застыла слащавая улыбка. А глазки внимательно следили за мрачным Седобородом.

Тот не ел, не пил. Знал он кому сказал Комер—сан про перемены, оттого и думу думал, изредка лишь взглянет на хозяина и снова в себя уйдет...

Лад ушел с пирушки еще до первых костров. Набив живот всякой всячиной, и запив медовухой, ощутил он вдруг потребность уединиться, дабы пища лучше усвоилась, а ум — разум прояснился. Но не так то просто было выбраться из Посада. Всюду лица знакомые, слова приветливые, чьи — то руки под локоть хватают, чарку подносят. Пока не обошел все кабаки, не увидел всех дружков своих по нелегкому делу дружинному, пока не осталась в кармане рубахи длинной денга одна, денга бедная — медная, не добрался он до лесу. А как только в лесу оказался, направился сразу на заимку заветную, где когда—то пацаном несмысленным играл он в игры про войну.

Заимка та была собственностью мастера кузнечных дел Наковальни Мечплуговича. Когда—то он поставил избу нехитрую возле болота вонючего. В том болоте Наковальня годами железо травил, после чего мечи делал отменные и рало крепкие. Но после появления в Посаде молодцов из ЗАО кузнечное дело, бывшее в руках Наковальни, претерпело суще- ственное изменение. Никто не знает как он сошелся с людьми Мафии. То ли своя нужда заставила кузнеца, то ли мафиозники почувствовали потребность в нем, но случай один до сих пор памятен люду посадскому.

Наковальня был членом совета Посада, и среди стариков, уютно обосновавшихся там, был единственным в ком жила и бурлила сила необыкновенная. Природа на славу одарила удалью его.

Как-то в кабаке зашел у него спор с одни из Мафии. Тут же, как положено, установили заклад победителю и расчистили место в центре. Мафиозник успел нанести Наковальне три удара, больно шустрый оказался, после чего испытал на своей голове силу удара руки куз-

неца. В землю так вошел, что пришлось пол разбирать в кабаке, – из толстенных тесаных досок одна голова торчала, а потом еще и из земли выкапывали любезного. Да—а...

Но как бы там ни случилось, язык общий они быстро нашли. Тут же выросли на южной стороне Посада новые кузницы большие. Ветра большую часть года с Севера тянули, вот и поставили кузни новые с юга, чтобы гарь да копоть дышать в Посаде не мешали, так Седобород подсказал.

С тех пор забросил Наковальня свою заимку возле болота. Обветшала она, потолок в два наката порушился от дождей и снегов, стены мхом заросли. Когда набрел на нее юный Лад была она простым холмом, каких в лесу превеликое множество. Стал Лад на ней днями пропадать. Целое лето тайком приводил ее в порядок и к зиме готовил. После той зимы стала она ему домом вторым. А когда в дружину попал, превратилась заимка в место встреч тайных с девицами – красавицами, чьи родители не одобряли внимание своих дочерей к удалецкой стати дружинников. Не один Лад пользовался заимкой в таких целях. Многие дружинники – побратимы бывали там, жгли костры и уговаривали пугливых подружек:

– Да не бойся ты болота... Ну и пусть вонючее, зато никто сюда не заглянет. А что комары, эка невидаль, их и в Посаде хватает... Нечисть? Какая нечисть?! Здесь владения кузнеца Наковальни. А нечисть ох как боится кузни, разве ты не знала? Вот дуреха – то...

Так было бы и по сей день, ежели однажды одна из пугливых девок не рассказала родителям, где пропадала всю ночь. Отец той дурехи не стал шум поднимать, а пошел прямо к начальнику дружины Ярому Живодер – Вырвиглаз. Был он крепок как дуб, и такого же ума.

Двойное прозвище его имело прелюбопытную историю происхождения. Когда было Ярому лет двенадцать отроду обнаружилась в нем страсть к изуверству над бездомными кошками. С какой стороны не посмотри – занятие опасное. Кошки всегда в Посаде числились в прихвостнях нечисти, и та (нечисть то) в любой момент могла отыгаться на озорном мальчугане.

А Ярому было хоть бы что. Взрослые как могли отучали мальчишку от пагубной страсти, в ход бывало пускались и розги и ремни сыромятные, но добились лишь одного – Яром перестал предаваться своему любимому занятию явно. Но по ночам еще долго люд посадский вздрагивал по ночам от ужасного кошачьего визга.

Однажды все кончилось. Толи мальчик повзрослел, толи нечисть наконец – то предупредила его (вскочила у Ярома бородавка на носу, отчего стали звать его позже за глаза Бородавкой), но кошачьи визги сошли на нет. Но в памяти людей Яром навсегда стал Живодером. А он, дурак, еще и гордился этим.

Второе прозвище он получил совсем уж просто. Нет, никому он глаз не вырывал. Просто на кулачных боях, где Яром старался блеснуть силушкой тела и немощью ума, он всегда кричал противнику, что вырвет глаз ему. Зачем он это делал, никто не знал. Но слова запали в душу. Вот и получился Яром Живодер – Вырвиглаз, за глаза Бородавка.

Так вот, пожаловался Ярому батюшка дурехи безмозглой на бесчинства дружинников:

– Лоботрясам твоим в сечи бы побывать, – ярился обиженно мужик, – так они бы знали что по чем. А то, ишь ты, за правило взяли девок на болото таскать. Ты уж Яромушка, будь любезен, разберись. А я в долгу не останусь.

Яром дулся от гордости. Вот ведь как, нет войны (да и не нужна она, Дажбог прими слова мои с благодарью), а у начальника дружины все же есть авторитет определенный. Поискав два дня виноватых и никого не найдя (одна половина дружины бывала на заимке постоянно, другая горела желанием когда – нибудь там побывать) приказал Яром сравнять избушку на заимке с землей. Разрешение на то получил от самого Наковальни (заимка – то все – таки его) который, узнав о причине, хохотал до слез. Яром лично присутствовал при исполнении своего приказа. Да только не выдержал он и дня возле болота. Грозного вояку, каковым мнил себя Яром Живодер – Вырвиглаз, за глаза Бородавка, одолели комары.

А ребята заимку не сильно – то разоряли, выполняя приказ начальника. Однако девок туда больше не водили, а со временем и вовсе позабыли о ней. Один лишь Лад помнил. Он снова как мог привел все в порядок, но об этом уже никому и слова не сказал...

В избенке было прибрано, на столе стояла нехитрая снедь, в углу пузатился бочонок, не иначе как пиво. Горели лучины и в камине горело желто – красное пламя. Такое Лад не ожидал. Кого занесло сюда в этот час неурочный? Не уж то прознал кто про заимку вновь да девку привел сюда? Эх, нет места на земле, где можно было бы почувствовать себя одиноким. Всегда найдутся соседи, будь то люди или нечисть. А иногда и мысли собственные так достанут, что хоть на стенку лезь. Никуда не уйду, решил Лад, и сел за стол. Есть – пить не хотелось, поджидать кого – то тоже охота не большая. Но удивить и озадачить – вот потеха. Пускай кто бы там ни был, увидев Лада, испытает неловкость.

Хрустнула ветка, скрипнули петли ржавые, отварились дверь... Лад рот открыл от изумления, да так и остался сидеть с отвисшей челюстью. Вошедший гость потянул носом воздух, облизнул языком толстые губы и хихикнул.

– Человек... Надо было сразу догадаться. Что ж, гостям рады... Особенно когда они молоды! Мясо нежное, хрящи мягкие, Да – а, славный будет ужин.

– Ты чего там бормочешь себе под нос? – Спросил Лад с испугу. – И кто ты такой, чтоб в моей избе хозяйничать?! Это мы еще посмотрим, кто чьим ужином станет. Ишь ты, ловкий какой! Занял дом чужой, да еще хозяином закусить хочешь!

Еще раз шмыгнул нос, захлопнулась дверь и гость вышел в свет лучины.

– А – а, это ты, Лад. Извини, не признал. Все вы, людишки, одинаково воздух портите.

Стоял перед Ладом в плавающем отблеске огня гоблин Сэр Тумак. Был он ростом невелик, на голову ниже Лада. Длинные мускулистые руки почти пола касались, и время от времени руки эти чесали ноги, покрытые седой шерстью. Впрочем, шерсть покрывала всего гоблина, кроме лица, на котором выделялись пухлые губы и массивный нос.

Лад перевел дыхание. Никто его сегодня есть не будет. Значит, нет надобности мечом махать.

– Подвели меня глаза, Ладушка, вот и не признал тебя. Хотя запах почувствовал шагов за сто.

– Ошибиться не трудно, трудно исправить ошибку. Вот зашиб тебя мечем, что тогда делал бы?

– А ничего. – Гоблин сел за стол и вздохнул. – Жить всем хочется. Но и умирать когда – то время придет.

– Как ты здесь оказался? – Спросил Лад, пытаясь перевести разговор на другую тему. Гоблин грустил. А у нечисти грусть грусти рознь. Кто ведал, о чем задумался Сэр Тумак? Может, сожалел что на месте Лада не оказался Кто – то другой? Тогда был бы сытый ужин... – Думал я, что заимка забыта всеми.

– Я случайно на нее набрел. Пятьдесят годков живу тут, а доброго слова от Посадских не слышал. – Гоблин почесал нос, шмыгнул и чихнул. – Ну, бывает, конечно, что провинюсь перед ними. У кого порося стащу, у кого курей с десятков выеду, так ведь это мелочи! Ни одного человека за эти годы не загубил! А Посадские мной детей пугают... Обидно. Разве это жизнь?! В землянке сырой пропадаю. Уже ревматизм кости ломит, а от простуды во век, видать, не избавлюсь... А тут, с недельку назад, набрел на эту избушку. Дай, думаю, приспособлю ее под жилье собственное. Дней пять высматривал – никто не идет. Вот и пристроился здесь... Значит, твоя заимка? Эх, жаль...

– Не тужи, – пожалел гоблина Лад. – Хочешь, живи здесь. Иногда буду наведываться, но ты уж терпи. Да других сюда не пускай.

Обрадовался Сэр Тумак.

– Спасибо тебе Лад. Не зря, видно, я тебя тогда от медведя – шатуна спас. Отблагодарил. Я теперь здесь так устроюсь, как на родной Ольбии Туманной не бывало!

Он поднялся из—за стола и заковылял к бочонку.

– Угощайся, еда не ахти какая, но сытая.

– Не голоден.

– Тогда пива отведай. Сам делал.

– Не откажусь. – Согласился Лад.

Гоблин плеснул в кружку дубовую темную жидкость, а сам к бочонку приложился.

– Кисловато пиво твое. – Лад оттер ладонью губы. – Скисло, что ли?

– Лешего козни. – Гоблин поставил бочонок возле себя. – Поругались мы давеча с ним, вот и ложит свои заклятия на все, что делать начну. Я уж терпел, терпел, но когда этот поганец пиво испортил, я совсем озверел. Припер его к осине, есть, однако, не стал. Какой из него обед или ужин? Злобный стал, весь желчью изошел. Отравиться можно. Ну так я потряс его немного, вроде притих.

– Что же вам с лешим делить? – Удивился Лад. – Он лесу сторож, а ты, так... приبلудший в этих краях.

– То – то что приبلудший. – Снова запечалился гоблин. – А ведь своим хочется стать. С нечистью в округе со всей перезнакомился. (Лад сплюнул.) Так она и есть нечисть, что с ней дружбу водить? А с людьми даже знакомства доброго не выходит! Один ты в товарищах ходишь... Обидно... Посад вон какой большой стал, неужто места мне там не найдется?

– С Седобородом говорил?

– А что с ним говорить? У него своих дел хватает. Это вам, людям, не видно сколько хлопот у него. А мне все известно... Не хочу его беспокоить. Жилищный вопрос надо самому решать, а не надеяться на кого—то. Зачем старому за меня ходить, пороги обивать?

– Так ведь не чужой же ты! Пятьдесят годков здесь ошиваешься! За это время своим в доску можно стать!

– Не будем об этом... Хотя прав ты. Нечисти у вас здесь полным полно, но все же ваша она, своя. Одним больше, одним меньше, вы бы и не заметили... Только нечисть ваша вся вдруг взбеленилась словно, как только я заикнулся о вступлении в ее ряды. Нечего, мол, партбилеты всяким проходимцам давать! Это я – то проходимец?! Да на родине про меня легенды ходят! Где же их чувство интернационализма? Где? Заболели все вдруг предрассудками расовыми! Да еще рекомендацию требуют. А кто мне ее даст? Людей они не особо жалуют, а из своих кто вряд ли поручится. Вот и шатаются я между – ни к людям прибиться, ни с нечистью сойтись.

– Коли в этом загвоздка, помогу тебе. – Лад почесал затылок, глянул в пустую кружку и улыбнулся гоблину. Сэр Тумак был догадлив. Снова забулькало запенилось темное пиво, белая пена шапкой встала над кружкой. – Я дам тебе рекомендацию. Чай слово мое сойдет для нечисти?

– Пожалуй, – согласился гоблин. – Тебя—то они, сволочи, уважают.

– Так и не будем с этим делом тянуть. Кто там у них сейчас главный?

– После того как Чер—Туй исчез, (Лад по привычке сплюнул), дела взвалил на себя брат его меньшей...

– У него братьев, что грибов по осени в лесу. Кто именно?

– Сичкарь Болотный.

– Знаю такого. Годков пять назад его Яром Живодер Вырвиглаз у озера Песчаного в пух и прах разбил.

– Ваш Яром собственной тени боится. Где уж ему Сичкаря разбить, брехня все это.

– Как же, люди сказывали...

– Что им выгодно, то и сказывали, – серьезно перебил гоблин. – Яром тогда еле ноги унес.

– Ладно. Есть на чем писать?

– На вот, возьми. – Гоблин подал ему бересту и уголек потухший. – Царапай каракули. Да только повежливее обращайся к Сичкарю. Как Чер—Туй исчез, он совсем спятил. Зазнался. Велит величать его не иначе как Партайгеноссе. Речи на шабашах такие толкает, что у многих ум за разум заходит. Сначала смеялись над ним. Потом, когда он пару домовых и одну кикимору взглядом иссушил, притихли все. К речам привыкли, теперь без его прокламаций жить не могут. После тех речей у нечисти какое-никакое, но самосознание обнаруживается. Так что ты повежливее будь, судьба моя решается.

Лад взял уголек, задумался на минуту, после чего быстро написал:

«Как смеешь ты, Сичкарь Болотный, выродок недостойный из окаянного рода Чер—Туя, величать себя именем заморским, именем поганым „Партайгеноссе“? Что означает сия кличка? При брате твоём нечисть нечистью была, а при тебе кем стала? Мхом болотным, эхом лесным, страхом людским, злобой лютой! Тьфу на тебя десять раз! И почему гоблину Сэру Тумаку, пятьдесят годков в наших местах обитавшему, отказываешь в статусе определенном, который он, несомненно, заслуживает и коего он достоин более других?! Мое слово ему рекомендация. Лад Посадский.»

Сэр Тумак прочел послание.

– Накарябал как курица лапой, – довольно отозвался он. – Сичкарю понравится. Теперь я точно своим стану!

– Только посадских не обижай, – поспешил добавить Лад и зевнул. – Переночую здесь. Не возражаешь? Изба – то твоя теперь.

– Ночуй, гость дорогой, ночуй. Но сперва поведай мне, дурню старому, о делах своих.

– Какие у меня дела? Не купец я.

– Не скажи. На заимку пожаловал, значит, мыслишки Какие—то одолевают тебя. Рассказывай, а я пока постелю тебе.

Лад отпил пивка и потрянул головой.

– Седобород говорил, что бы я в ученики к Комер—сану шел.

– Приехал—таки купец знатный?!

– Приехал. Сейчас весь Посад гуляет на его пирушке. Только я не пойму, зачем мне в ученики к нему идти?

– Дело торговое больно мудреное. Кто в нем вершины достигнет, того люди и уважают. Не за богатство. За него чего же уважать? Может оно, богатство—то, краденое? Уважают купцов за то, что они людей хорошо знают, страны дальние видят, обычаи всякие не в диковинку им. Ведь они, люди торговые, как мостик между народами. Чужую культуру видят, да свою показывают. Бывает, через них войны начинаются. Через них они же и заканчиваются. Думаешь, если одна рать другую побьет, то войне конец? Не тут – то было! Злоба в побитых долго сидеть может. А торговля все по своим местам ставит. Без нее нет жизни.

– Откуда ты все знаешь, Сэр Тумак?

– Я в Ольбии Туманной родился, там века жил, всякое видел. Остров мой не чета Посаду, старше будет на десятки веков. Так что знаний там пруд пруди.

– Ну, у нас тоже старина знатная есть. Мудрых хватает. Седоборода взять хотя бы. Или Зуб, старейшина совета. Говорят, умен он и хитер как лис.

– Да, барахла старого у вас хватает. Да только распорядиться им с умом никому в голову не придет. Так то... Постель готова. Ложись, спи. А с утра, совет мой тебе, иди к Комер—сану. Если Седобород сказал, значит есть смысл. Он далеко смотрит.

Лад хотел сказать, что тоже далеко видит. Если в степи встать, взгляд до горизонта бежит. А если в лесу, то, смотря какой лес, будет редкий, так шагов за сто грибов увидеть может.

Коли бор густой, – так на самой макушке высоченной сосны белку разглядит. Да только в заслугу это ему никто не ставит. А про Седоборода с уважением говорят. В чем разница? Но ничего не сказал Лад. Уснул с мыслью о несправедливости людского мнения по такому пустяку как зоркость.

Сэр Тумак отпил пиво из бочонка, и тоже спать завалился. Было у него теперь жилье собственное, добротное, (не беда, что болото рядом, там лягушек полно, – значит, с голоду не помереть, а на зиму их можно засушить), плюс имелась теперь на руках рекомендация. Хоть от человека она, зато от какого! Лада нечисть знала, некоторые даже побаивались. Не берут его чары, хоть тресни, не берут! Такого стоило опасаться. Теперь Сичкарь Болотный не придерется, примет в ряды нечисти, куда денется. И выпишет не какую – то филькину грамоту, а справит настоящий, добротный «аусвайс», чтоб как у всех было...

Глава 2

Если вам никогда не приходилось спать в одном помещении с гоблином, возблагодарите судьбу, ибо счастье это невесть какое. Храп стоит на всю избу, аж полати дрожат, да от шерсти его разит за версту чем – то кислым. Иногда из шерсти этой выползают всякие твари мелкие, от них житья нет никому. Гоблины то толстокожие, когда твари эти их кусают, им это, как и в радость что ли, словно щекочет кто.

Лад ночь промучился. С утра, как только солнышко встало и тронуло лучиком робким, лучиком первым, крышу избенки, выбрался он наружу позевывая и почесываясь, умылся водицей болотной, разогнав сперва лягушат, и пошел в Посад. Вечерний разговор с Сэром Тумаком не шел из головы. Нечисть, видать, по-новому решила жить, не зря же Сичкарь Болотный занялся пропагандой идеи о едином целом. Раньше нечисть как жила? Каждый сам за себя. В тихую и по одному набедокурят где, и снова притихнут. Лишь по болотам да лесам слушок идет о подвигах грязных. Теперь же все по иному. Нечисть сплотилась, строгий контроль ведет по приему новобранцев в свои ряды. Гоблин тому яркий пример. Не к добру это, ох не к добру.

В Посаде еще слышались отголоски вчерашней гулянки. Кто—то только сейчас покидал кабаки, а кто—то уже заходил в него, спеша унять похмелье кружкой браги или пива заморского. У кого совсем дела скверно шли, те спирт водой разбавляли один к одному, тем и спасались. По всему выходило так, что и сегодня Посад гулять будет.

На базарах и рынках посадских торговля вяло шла с утра, и это ничего хорошего не обещало торговцам.

Кузни Наковальни Мечплуговича молчали, словно водой их залило, (первый признак того, что на Посаде праздник шумел). Только тонкие струйки дыма вились над печами. Видать, рассудительный кузнец оставил все же кого присматривать за ними, иначе как бы «козел» не вышел. Почему кузнецы козла какого—то боялись, Ладу было невдомек. Сколько их по Посаду бегают, и никакого худа от них никому нет. Так чего же бояться?...

Шатер Комер—сана отыскать было не трудно. Большой и разноцветный возвышался он над всеми остальными, а над ним вилось по ветру родовое знамя Комер—сана – желтое полотнище с красным кругом в середине. У входа в шатер не было стражи, в Посаде купцам нечего опасаться. Хотя на первое время приезжие всё же нанимали стражников из дружины посадской, либо своих работников выставляли, вооружив их прежде для пущей остроты всяким оружием так, что бедные молодцы часами потели под тяжестью железа никчемного. Но Комер—сан сразу отказался от охраны. Не было у него такой нужды – охранять себя и добро свое. Вход в шатер охраняло хитрое заклинание – оно пропускало внутрь только тех, кто действительно пришел по делу и без злого умысла. Остальных останавливал невидимый барьер.

Лад дернул шелковый шнурок, колокольчик медно запел, извещая хозяина, но никто навстречу Ладу не вышел. Он пожал плечами и шагнул за цветной полог. Ноги его тут же утонули в толстом ворсе ковра дивной работы, и он подумал о том, что надо бы снять сапоги, а то замазает болотной грязью такую красоту.

– Не снимай, – услышал он голос Комер—сана. – Ковер не запачкаешь, заговоренный он. А вот ты... Как в шатер попал? Не должен ты здесь быть.

– Почему? – Удивился Лад, разглядывая хозяина шатра. «Не велик человек. Возраст не разобрать – пятьдесят, сто, двести годков ему? Щеки вон как надул, сейчас лопнут...» – Я же не враг какой.

– Вижу, что не враг. Да только без дела ты пришел. А тратить время свое на пустые разговоры для меня роскошь большая. И почему тебя заклинание не остановило?

– А, ты об этом... Так это дело пустяковое.

– Как так? – Пришла очередь удивляться Комер—сану. – Неужели смог обойти хитрости волшебные? Тогда из тебя неплохой взломщик выйдет.

– Нет, все гораздо проще. Не берут меня заговоры, вот и все.

– Совсем?!

– Совсем.

– Н—да—а, – протянул Комер—сан то ли с усмешкой, то ли с уважением. – Понятно. Не много таких в мире. Вот не гадал в жизни своей встретить такого. Ладно, проходи, позавтракай со мной.

– Не могу я завтра ждать, мне сейчас надо поговорить. И вот еще что, я не ел с восхода, так что не откажусь от угощения твоего, если предложишь, конечно.

– Так я же и предлагаю...

– Что?

– А, ладно, не бери в голову. – Комер—сан хлопнул в ладоши. Тут же, словно из—под земли, появились служанки. Были они с головы до ног в одеждах диковинных, ярких и свободных. И блюда подавали незнакомые, но вкусные. – Ешь, гость незваный, ешь да рассказывай о чем просить пришел. Только имя свое назови сперва.

– Ладом зовут... А просить... как узнал?!

Удивился Лад, набивая рот странным зерном отварным вперемешку с морковью тушеной и кусочками баранины сочной.

– Не купец ты, дела торгового нет ко мне. Чтобы я тебе должен был, не припомню такого. Да и мне ты пока не должен. Значит, просить будешь.

– Хитро думаешь, Комер—сан. Не зря про тебя люди говорят, будто видишь ты людей насквозь.

– Молодец, – улыбнулся Комер—сан, – обычаи знаешь. Поел, польстил хозяину, да—а... Теперь говори какую нужду имеешь.

– Слышал я, – Лад неторопливо вытер руки куском белоснежной материи, которую подала одна из служанок, – имеешь ты такой обычай, – как приедешь в город новый, сразу начинаешь искать ученика.

– Не искать, – поправил Комер—сан. – Они сами ко мне идут. Хотят научиться делу торговому. Но не многим дано.. Но тебе-то что в этом?

– Хочу учеником твоим стать.

Комер—сан возрился на гостя удивленно и захохотал. Лад обиделся. «Чего гогочет толстобрюхий? Или сказал я что не так?»

– Ты... учеником... ой, не могу, ха—ха—ха... – Комер—сан оттер слезу смеха с толстых щек и добавил серьезно; – Великоват ты для ученика. Сколько тебе от роду?

– Двадцать четыре зимы сменилось, так Седобород говорит. А сам я не ведаю.

– Седобород? А кем он тебе доводится, уж не родня ли?

– Да нет, какая родня, просто вырос я при нем. Как родителей моих сморил мор ужасный, так я у него и обретаюсь.

Комер—сан взглянул на него пристально, словно знак какой искал, вздохнул наконец, и кивнул головой.

– В ученики, стало быть, хочешь? Проверить тебя надо. Пойдем.

Он поднялся с легкостью, которую Лад не ожидал обнаружить в таком тучном человеке.

Вышли они с другой стороны шатра и оказались возле обоза, полного всякого товара. Было там и оружие, и еда всякая, и материи разные, и драгоценности сверкали на солнце.

– Деньги есть? – Спросил деловито Комер—сан.

Лад пошарил по карманам, нашел монетку медную и сжал ее в кулаке.

– Есть.

– Много ли?

– Кое-что купить хватит, а более тебе и не нужно, купец. Любая сделка в радость, коли ты с прибылью останешься.

Улыбнулся Комер—сан, тронул щеки свои толстые ладонями.

– Ну, выбирай... Да не спеши. Представь, берешь ты товар чтоб в заморские дали ехать и там торговать. Что там да как, ты не знаешь. Вот так – то. – Озадачил он Лада. – Ну, чего столбом встал? Помни – покупаешь на свои, сколь бы их там у тебя ни было.

Лад оглядел обоз. Что же выбрать здесь на монетку медную? Разве что пропить ее в кабаке. Потрогал он украшения, полюбовался, да и положил их обратно. Ткани разные ласкали руку, но и от них отвернулся Лад ничего не выбрав. Довелось ему потом среди оружия ножик отыскать небольшой. Прочная сталь лезвия в рукоятку из кожи набранную плотно входила.

– Сколько? – спросил Лад.

– Эту безделушку так отдам, если выберешь еще что.

Лад достал монетку, подкинул ее в воздух. Кувыркнулась монетка, блеснув медью, и упала на ладонь Комер-сана.

– На всю ее цену возьму соли.

Сказал Лад, и подумал – коли не выйдет ничего, так останусь с ножиком и солью. А соль всегда нужна, везде пригодится. Без нее еды не приготовишь, да от зубной боли раствор соляной помогает. Так Седобород не раз говорил.

Комер—сан серьезно взглянул на монетку, взвесил ее на руке, подкинул как Лад и, поймав ее, положил в карман.

– Так, соли выйдет ладони горсть, ножик тоже забирай. А теперь скажи мне, почему такой выбор?

Лад пожал плечами.

– Коли в страну чужую, незнакомую еду, так лучше с оружием быть, но не грозным как меч, иначе врагов наживешь. Отсюда надобность в ноже. А соль... Соль везде товар ходовой, и на первый раз ее достаточно. Прибыль будет небольшая, но все – таки прибыль. А во второй раз уже будет ясно что с собой брать. В чем в той стране недостаток, тому главное место в обозе.

– В логике тебе не откажешь. Ты сейчас при каком деле состоишь?

– В дружинниках посадских хожу.

– Снимай с себя обязанность эту, беру тебя в ученики! Да не смотри так, нельзя сразу двумя науками ум полонить. Либо ты мой ученик, либо дружинник.

– А на что я жить буду? В дружине жалование платят...

– Понимаю. Теперь будешь жить за счет ума своего. Сколько заработаешь., все твое, кроме доли малой, мне причитающейся. А на первое время, пока сделок торговых у тебя нет, как, впрочем, и товара собственного, буду платить тебе не хуже чем в дружине.

– За ученичество, что ли? – Засомневался Лад.

– Сметлив. – Похвалил Комер—сан. – Как правило, ученик за учебу платит... Считай, что в долг даю. Без процентов. Вернешь, когда сможешь. По рукам?

Лад почесал затылок, да делать, видать, нечего. Седобород зря советовать не станет.

– По рукам! – Он с силой хлопнул по пухлой ладони Комер—сана и вздрогнул от неожиданности. Была рука Комер—сана крепка, словно из железа сделана.

– Увольняйся из дружины, а дня через три приходи ко мне. Утром приходи, рано. Начнется, Лад, у тебя другая жизнь...

Вечером, поджидая Седоборода на крылечке его избы, Лад ел хлебную краюху да думал о жизни будущей. Остался он нынче совсем без денег, (мало ли что нож новый в голенище сапога воткнул, и соли горсть карман отягощала), так ведь и без дела он остался. Чему – то научит его Комер—сан, и пойдет ли наука впрок, а жить надо сейчас.

Разговор с Яромом Живодер – Вырвиглаз выдался не из легких. Не бывало такого, чтобы из дружины молодые самовольно уходили. Яром смеялся над Ладом, потом бранился с пеной у рта, уговаривал после, да бесполезно. Лад твёрдо стоял на своем. Применить силу начальник дружины не решался, помнил Бородавка как в последнем кулачном бою Лад отделил его. Попенял на глупость Лада и отпустил его, но без денег.

– Оставь себе обмундирование и оружие, это в счет жалования пойдет, и проваливай. Больше не приходи, обратно не возьму.

Лад ушел.

Прощание с дружинниками – побратимами не на что было справить. Потому занял Лад у Жадюги, хозяина кабака ближнего к слободе дружинной, пару монет серебром, и напоил дружков верных в усмерть. Сам же трезвехонек сидел, словно на поминках собственных...

Уже где—то костры запалили, а Седоборода все не было. Не идти же обратно на заимку, думал Лад. Не придет старый, так здесь на крылечке и заночую. Все лучше, чем с гоблином в одной избе ночевать. Тут открылась дверь и голос Седоборода позвал его.

– Входи, чего штаны на крыльце просиживать, входи, кому говорю!

«Откуда взялся? Не в окно же залез...» Лад вошел в избу, закрыл дверь. Устало растянулся на скамеечке вдоль стены.

– Поди, голоден? Сейчас ужинать будем. – Седобород поворожил немного над столом, – откуда—то взялась каша дымящаяся, колбаски кровяные жареные, каравай хлеба белого и бутыль браги мутной. – Садись.

Второй раз приглашать Лада нужды не было.

– Был у Комер—сана?

– Был.

– Ну как, взял в ученики?

– Ага.

– Ммм... Проверял?

– Угу... – Лад выпил браги и схватил кусок колбасы. – Получил я нож, да ладонь соли.

– Хорошо. А из дружины по доброму ушел?

– Яром злился, но отпустил.

– Одного я не пойму, – Седобород вдруг как – то странно посмотрел на него. – Зачем ты Сэру Тумаку рекомендацию написал? Подкупил он тебя?

У Лада челюсть отвисла. Откуда дед знает?!

– Да что с него взять—то? – Обиделся Лад. – Клок шерсти, да и тот с клопами. По доброму написал. Пожалел. А ты откуда знаешь?

– Весь лес гудит. Через неделю Сичкарь собирает... да не плюйся ты! О чем я?!... Через неделю примут горемычного в свой сброд, куда им теперь деваться. Я бы сам за него похлопотал, да все некогда... Он – то, шерстяной, чего сам не пришел? Сказал бы, в чем дело, разом утрясли.

– Не хотел тебя беспокоить.

– Так и сказал? С манерами... Сколько здесь живет, а воспитание все же чувствуется... Как пойдешь к Комер – сану, запомни, первый день самый важный. Будут дни труднее, но важнее не будет. Как себя покажешь, так и дело пойдет. Понял?

– Понять не трудно. Только зачем все это?

Седобород вздохнул.

– Всего не скажу, но часть правды поведаю. Ты думаешь, почему Комер—сан наш Посад выбрал?

– Устал от дорог. – Предположил Лад.

– Да дорога купцу как дом родной! Постоянства он ищет и покой... Почему?

– Неужели наш Посад так уверено на земле стоит?!

– Уверено, уверено... Дело не в этом. Задайся вопросом, почему купец Комер—сан, которому ведомы все тонкости дела торгового, и для которого смена одной страны на другую есть процесс жизненно важный, ибо торговля всегда ищет рынки новые, решил осесть навсегда в месте столь стабильном, как наш Посад? – Чудно говорил старик, не все понимал Лад. Что—то нехорошее просыпалось от слов таких в груди. Однако плевать Лад не стал, а задумался.

Седобород лил масло в огонь.

– Чего ИСПУГАЛСЯ Комер—сана? Вчера на гулянке не зря он обмолвился про перемены, ох не зря!

– Про какие перемены?

– Сказал, что грядут в мире перемены большие. А к добру ли, ко злу, не обмолвился. Да только понял я, что он сам ничего толком не знает. Просто послушался интуиции своей, и решил осесть в месте безопасном, да не в любом (мест безопасных в мире полным полно), а в таком, где все пути торговые сходятся. Зачем?

– Чтобы знать все слухи. – Догадался Лад и сам себе удивился. Как это у него так вышло?

– Верно. В Посаде все новости встречаются. Рано или поздно сходятся они на площадях торговых, и умеющий слушать правду узнает... Потому и хотел я тебя в ученики к нему определить. Смышлен ты, азы торгового дела быстро освоишь, это в жизни пригодится. Да рядом с Комер—саном будешь всегда. Может, и выведаешь, чего так боится купец знатный.

– Шпионить? – Брезгливо спросил Лад.

– Шпионят за врагами, а Комер—сан в трудную минуту поможет Посаду не хуже дружины целой, будь уверен. Просто знать нам надо, с чем столкнемся в будущем. Так – то. А теперь спать иди.

– А ты?

– А мне еще много дел сделать надобно...

Три дня Совет Посадский рьяно где ставить дом Комер—сану. Три дня срок не велик. В Совете заседали СТАРЕЙШИНЫ, речь их размеренной была, и покуда один говорил, другие заснуть могли. Что и делали постоянно. А когда просыпались, то не помнили о чем судили. И все начиналось сначала. Наконец место было определено. Созвали мастеров – плотников и застучали топоры...

Комер—сан встретил Лада сурово.

– Ты опоздал. Нехорошо так начинать. Значит так, теперь жить будешь при мне, это избавит меня от твоих опозданий... Ну что, готов? Тогда пойдем. Сегодня твоя задача наблюдать за всем. Запоминай, к каким лавкам торговым подходим, какой товар смотрим, как торгуюсь я и как купцы другие. Понял? Что почем, какой товар бойче идет, а какой приходится продавать с натугой. Потом спрошу.

И пошли они в Посад, град торговый, град богатый...

К вечеру Лад был измотан. Устал он не столько физически, (силушка в нем была молодечья), сколько умственно. Слов разных заумных и странных услышал он за этот день столько, что и слюны не хватило бы, вздумай он плевать по каждому поводу. Узнал он так же что посмеиваются купцы, для которых Посад стал родным не с рождения, над привычкою местных, коренных посадских, слюной брызгать.

Стыдно стало ему за обычаи дедовские. А после злость пришла. Коли не по нраву обычаи, так какого рожна сидеть здесь?!

Но понял потом, – не со злости смеются, по-доброму.

Да—а, разный люд в Посаде собрался, со всех концов земли товары на показ выставлены. Лад и не догадывался, что люди из одной страны предпочитали селиться в Посаде в одном месте, образуя небольшие кварталы, где царили их родные обычаи и нравы. Называли такие себя диаспорой, и торговлю вели исключительно своим товаром.

Купцы из Итая, раскосые как Комер—сан, торговали преимущественно шелком легким да порохом дымным, зерном хлебным и рисом, и поделками для детей.

Купцы из Хундустана промышляли фруктами и травами, иногда выставляли оружие странное – сабли кривые, ножи широкие.

Из Франзонии несколько семей сыром нежным торговлю вели, да вином, которым угощал наемни Комер—сан гостей знатных.

Люди из Бовуссии кожей промышляли и пивом. И все это не в мелком количестве!

Лад диву давался – торговля шла на будущее. Вот кто—то закупил двадцать обозов дынь Хундустанских, кто—то прикупил пять обозов сыра Франзонского, да еще бочонков тридцать крепкого пива Бовусского. Все это будет отправлено из Посада в земли дальние, откуда купцы привезут потом товар иной... Хундустанцы прикупили риса пять обозов у купцов итайских. Те, в свою очередь, разжились вином Франзонским. Купцы франзонские прикупили шелку, а купцы из Бовуссии глаз положили на скакунов манжорских...

Сделки заключались большие и маленькие, на сегодня, на завтра и на год вперед.

Еще одну особенность заметил Лад – при каждой сделке присутствовал приказчик.

А еще впервые он так близко столкнулся с людьми Мафии. Они были везде, и всюду выпрашивали все чего—то, вынюхивали. Этот товар откуда, из Хундустана? А когда был? Месяц назад? А сколько времени дорога заняла и в какую копейку доставка встала? Все им было интересно и важно.

Где уж мне постичь тонкости дела такого?! – сокрушался Лад, подмечая в то же время все необходимое. (Взгляд сам собой ловил все тонкости и нюансы происходящего.)

Зазывалы глотку драли, в воздухе витали ароматы разные – и орех миндальный, мускус и перец жгучий, розы чайные, яблоки наливные, лимоны желтые...

Сколько лет жил он в Посаде, а таким увидел его впервые. Вся жизнь Лада прошла на задворках посадских да в лесах дремучих. Детство босоное и беззаботное пробегало по подворотням голубей гоняя, юность в слободе дружинной возмужала, а Посада он так и не узнал. Один день сегодняшней поведал ему куда больше, чем вся жизнь предыдущая, о делах торговых, благодаря которым стоял Посад и стоять будет.

На рынках, базарах и площадях торговых, в лавках негоциантских амбарах посадских, где зерно и муку отпускали обозами, в скобяных рядах да в загонах коровьих и свинских, никто нечисть не вспоминал. Но каждый купец имел свой амулет или брелок заветный, каждый торговец продавал товар свой с присказкой или заговором.

– Дыни хундустанские, аппетитные, абхазские! Эй, подходи, да, разрежай, пробуй... Чувствуешь, словно мед внутри...

– А вот шелк, мягкий, словно волосы любимой... Потрогай, потрогай, не спеши уходить!

– А кому мечи, мечи кому, самозатачивающиеся, обоюдоострые, раз махнешь, сто голов снесешь!...

– Яблочки, наливные яблочки, на щеках ямочки, а внутри нектар...

– Покупай товар всякий, кошель не жалея, купи, будешь рад до ушей!...

– Кости рыбы, жир барсучий, все от немощи ползучей! Все что доктор прописал – анальгин и випрасал!...

- Кони, кони скаковые, резвые и не очень...
- Купи хряка, дяденька, купи...
- Яйцо перепелиное, мелкое и полезное, яйцо куриное, сальмунелы нет, гарантирую...
- Купи хряка, дяденька, купи! Дешево отдам!
- Эй, купец – молодец, посмотри какие самоцветы!... Словно солнце в камень вошло!
- Скупаю, все скупаю, антиквариат дорого, любую валюту беру, беру «гаксы» пять

к одному...

- Новейшая система канализации и слива, недорого, распродажа!
- Птички заморские – попугайчики, а так же синички, голуби и стрижи...

Торговля бойко шла, и в розницу и оптом. Комер—сан ничего не покупал. Он лишь спрашивал у купцов разных как дела у них дома, да что нового слышно о том или ином купце знатном. Купцы умно молчали, когда надо было молчать, беззастенчиво льстили, когда без этого разговор не шел, и довольно твердо стояли на своем, если была такая нужда. Если Кто—то из них начинал надоедать, то Комер—сан небрежно ставил такого на место.

– Шелк?! Где ты видишь здесь шелк? Тряпки старые, цвета линялые, тьфу... Разве это самоцветные... Это сапфир? Покажи... Да стекло битой бутылки из—под бовусского пива ценнее будет!... Дыни – то у тебя зеленые, рвал с бахчи ты их рано, спешил сюда, а здесь в баньку загнал обоз, жару поддал, вот и дошли они цветом, а вкусом травой остались...

Купцы обижались, дулись, но как только Комер—сан проходил дальше, с новой силой глотки надрывали...

Под вечер, когда Лад ничего уже не соображал и перед глазами егоплыли круги разноцветные, изъявил Комер—сан желание посетить ЗАО мафиозное.

Снаружи ЗАО было изба избой, но внутри отделкой странной поражало. Как только открыли дверь входную два молодчика в темных плащах, оказались Комер—сан, трое его подручных и Лад в комнате маленькой. В углу стоял стол, на котором находился какой—то ящик из светлого материала. Три стены боковых были глухими, а четвертая светилась, и какие—то руны по ней бегали. Не иначе, как волшебство мафиозное!

За столом сидела блондинка, взглянув на которую Лад и язык прикусил. Под потолком в дальнем углу висела странная коробочка, тоже, видать, заговоренная. Иначе с какого рожна ей время от времени гудеть и поворачиваться?!

Девушка холодно взглянула на вошедших, задержала взгляд оценивающий на Ладе, улыбнулась ему и сказала невесть кому:

– Шеф, к вам гости пожаловали.

Из—под стола раздался сиплый голос:

– Кто?

Комер—сан побледнел подручные стали шептать слова заговорные, а Лад оглядывался в изумлении – где же тот, кто говорит?! Девушка щелкнула пальцами тонкими по поверхности стола и посмотрела в ящик.

– Комер—сан, купец знатный, годовой доход составляет что—то около трех миллионов «хевро».

– Пригласи гостей. – Приказал голос. Девушка поднялась и открыла дверь, которую гости сразу и не заметили.

– Пожалуйста, – пригласила она, – проходите. Что пить будете – водку, виски, мартини, чай, кофе?

Комер—сан взял себя в руки. И не такие чудеса доводилось ему в жизни видеть. Просто... неожиданно все произошло.

– Мне кофе. Подручным моим чай. А ученику... – Он мельком взглянул на Лада, – ему, пожалуй, водки.

Комер—сан важно шагнул за порог, за ним все остальные. Не оставаться же здесь, в этой маленькой комнате, наедине с девицей красной и голосами из воздуха. И чего она так улыбается, выставляя на показ ровный строй белехоньких зубов? Может она людоедка, а время к вечеру, ужинать пора...

Другая комната оказалась НАМНОГО больше предыдущей. Лад даже сомневаться стал, а видел ли он хоромы просторнее, но быстро сообразил в чем дело. Стены странным образом отражали все находившееся в комнате, словно вода озера вертикально встала. За большим столом сидел худощавый человек, на носу его блестели стекляшки. (И как они не мешают ему видеть?) За его спиной вальяжно стояла пара здоровенных охранников, опять — таки в темных плащах.

— Комер—сан, — худощавый поднялся, — рад видеть вас. Меня зовут мистер Уолт. Можно просто М. Уолт. Я являюсь представителем совета директоров одной организации, которая основала ЗАО. Так что в этом офисе я главный, если вы понимаете, о чем я говорю.

М. Уолт, улыбнувшись Комер—сану, пригласил гостей сесть. Было в этой улыбке что — то хищное, словно и не человек перед ним был, а нечисть какая. Но Комер—сан и бровью не повел. Он уселся с комфортом напротив М. Уолта и еще раз осмотрел офис. Спустя несколько секунд появилась девица из маленькой комнаты. Она держала поднос с чашками и улыбалась неизвестно чему. Комер—сану она подала кофе, его подручным чай, а Ладу водку.

— Итак, — М. Уолт хрустнул пальцами. — С чем пожаловали, уважаемый Комер—сан?

— Слух о вашей ЗАО далеко за пределами Посада слышан. — Лад в который раз удивился. Сколько лет живет в Посаде, а о ЗАО знал лишь то, что оно есть, не более. М. Уолт усмехнулся, а Комер—сан продолжал, — хочу я свободный капитал свой вложить в дело прибыльное. А в какое, думаю у вас спросить.

— С этим помочь можем. О какой сумме идет речь?

Комер—сан назвал цифру. Волосы на голове Лада дыбом встали. Так богат купец?! М. Уолт что — то подсчитал в уме и кивнул.

— Почти триста тысяч «хевро». Да—а, цифра внушительная. Что же вас интересует конкретно? Производство, торговля, искусство?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.